

УДК 316.4

***ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО ПОВОЛЖСКОГО СЕЛА.***

Заикин А.В.

к.социол.н., доцент кафедры менеджмента организации

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина

Саратов, Россия

Аннотация: В статье фиксируются основные причины кризиса современного села, последствия аграрных преобразований, специфика кросс культурного напряжения жителей села и значение малых городов России в логистике трудовых ресурсов.

Ключевые слова: масштабы бедности, имущественное расслоение, сельская трудовая миграция, трудовые ресурсы.

***THE FACTORS INFLUENCING TRANSFORMATION OF THE SOCIAL AND
ECONOMIC ENVIRONMENT OF THE MODERN VOLGA REGION VILLAGE***

Zaikin A. V.

*candidate of sociological sciences, associate professor of management of the
organization*

Povolzhskiy institute of management named after P.A.Stolypin

Saratov, Russia

Annotation. This article covers the main reasons for crisis of the modern village, consequences of agrarian transformations, specifics of cross cultural tension of residents of the village and the value of the small Russian cities for logistics of a manpower.

Keywords: poverty scales, property stratification, rural labor migration, manpower.

С началом 90-х годов XX века привычный уклад крестьянского мира советской эпохи получил мощный импульс стремительных изменений.

Аграрная сфера вместо привычного государственного регулирования испытала в авральном режиме рыночную модель управления, шокового типа. Именно в этот момент был запущен процесс синергетической неопределенности.

Как результат предпринятых нововведений от сельского жителя стало требоваться многовариантность в проектировании его экономического поведения при достижении любого жизненного замысла, а планирование предполагало большей интуитивности. В какой-то момент сельяне перестали успевать за переменами и не всегда умело адаптировались к ним.

В тоже время наиболее активная часть крестьянства, воспользовалась предоставленной возможностью и предприняла попытку самореализации, заложив основы фермерского типа хозяйствования. У остальной, большей части крестьянства, сохранилась патерналистское ожидание с надеждой на поддержку государства и приверженность коллективному хозяйствованию. Однако старые формы разрушались под воздействием новых либеральных идей обновления села, а новые организационные формы, особенно на начальном этапе, не были устойчивыми и достаточной мере эффективными.

Рост неопределенности и риска заставил подавляющую часть крестьянских семей переориентироваться на привычную стратегию наращивания трудовых усилий на своем подворье.

Несомненно, дополнительное напряжение сил и соединение преимуществ формальной и неформальной занятости позволило большинству крестьянских семей выжить в 90-е годы самим и вырастить детей. Однако дальнейшая неопределенность курса государства в политическом, социальном, экономическом, технологическом, культурном развитии села, поставила заслон в ориентациях молодежи на преимущественную занятость в сельском хозяйстве. И как результат, молодое поколение села стало активно выбирать город, как предпочтительную, более желаемую среду обитания.

Кризис современной деревни непосредственно связан с тем, что за последние 30 лет кривая финансового потока государства в село неуклонно стремилась вниз и показатели на этой кривой стабильно сокращались. Если

средств на поддержку сельских поселений, и аграрной сферы в целом, в советское время было в среднем около 90 миллиардов долларов в год, то в России в 90-х годах XX века на сельское хозяйство выделялось 16 – миллиардов. В середине 2000-х годов государство тратило на аграрный сектор всего 2,5 миллиарда долларов в год.

Перенос государством центров финансовой поддержки от распыленного и по-разному ориентированного мелко- и средне- товарного производителя к хозяйствам-локомотивам агрохолдингового типа в начале нового тысячелетия постепенно приводит к сворачиванию мелкотоварного производства и отчуждению значительной части крестьянства от земледельческой культуры.

Быстрый демонтаж модели государственного управления (с программой интервального планирования) на модель рыночного типа, привел к реактивному принципу в управлении и «латания дыр», с явным запаздыванием в определении основных стратегических целей. Сейчас основные лозунги реформ, также как и в недалеком прошлом, быстро превращаются в мифы. После распада колхозной системы 90-х гг. основной идеей реформаторов было – «наши фермеры нас накормят», так как преобразования были направлены на создания широкой группы мелких сельских собственников. В начале 2000-х гг. эйфория от массового притока не качественных, но разнообразных иностранных продуктов подогревалась идеей, что международный рынок полон товаров и «наши партнеры» (Китай, Турция, Германия и др.) нас всегда накормят и оденут». С 2010 г. апробируются новые лозунги – «агрохолдинги – основа продовольственной безопасности».

Во всем мире агросфера является нечто большим, чем только производство продукции сельского хозяйства. В основной массе своих подсистем она является дотационной и требует значительной поддержки государства. Подход к управлению в аграрной сфере с государственной программой импортного замещения также выглядит как вынужденная, временная мера в системе генерирования новых смыслов политических элит.

Однако решая отчасти вопросы продовольственной безопасности, указанные движения не решали и не способны были решить целого комплекса проблем села: социального, культурного, демографического, экономического типа. За внешней привлекательностью предложенных идеологией продолжала исчезать надежда основной массы крестьянства на качественное улучшение своей жизни, а подавляющая часть населения стала скатываться в состояние крайней бедности.

Это не значит, что здравомыслящий слой политиков, управленцев, представителей научной элиты не осознает масштаба настоящего бедствия. Наоборот, о катастрофическом состоянии населения периодически обсуждается на самом высоком уровне. Например, выступая на «Неделе российского бизнеса» 14 марта 2017 года одним из вице-премьеров правительства отмечалось, что «Та бедность, которая в стране есть и фиксируется, — это бедность работающего населения. Это уникальное явление в социальной сфере — работающие бедные... в 2016 году средняя зарплата по стране составила 36,7 тыс. рублей, однако на уровне МРОТ работают 4,9 млн. человек. При такой зарплате, по словам вице-преьера, ни о какой производительности труда говорить не приходится». [1]

В тоже время, есть мнение первых лиц нашего государства обосновывающих целесообразность убывания населения деревни. И если за последнее десятилетие такое сокращение произошло на 10% (до 25% от общей массы жителей страны), то это не плохо, так как «труд становится более высококвалифицированным, производительность труда растёт и поэтому не нужно такого количества жителей на селе».[2] Однако, по мнению многих экспертов, в том числе международного уровня, проблема демографии является решающим фактором тормозящим развитие страны. [3] Однако известно, что успешное воспроизводство населения России в недалеком прошлом обеспечивалось во многом благодаря сельским жителям.

Кроме того, крайне отрицательным фактором, выталкивающим крестьян на заработки в город — это сокращение занятости и истощение морально-

психологической и материальной возможности самозанятости на селе и как результат бедность. Сейчас (по данным ИНСАП РАНХиГС) 40% населению России не хватает на жизнь, т.е. денег хватает на еду или не хватает даже на нее. При этом в 2016 году число отечественных долларовых миллионеров России растет на 10% по сравнению с прошлым годом, а в Европе за тот же период сокращается на 4%. [4]

Имущественное расслоение населения России продолжается расти, что создает еще большее напряжение в обществе. Неравенство для сельского жителя не виртуальное явление, оно проявляется иногда за порогом его дома. Особенно это заметно на окраинах крупных мегаполисов. Например, если рассматривать географическую карту города Саратова и Саратовского района, то последние десятилетия можно увидеть замещение бедных окраин пригорода обеспеченными жителями. На месте некогда преуспевающих аграрных хозяйств саратовского района около поселков Усть-Курдюм, Долгий Буерак, Дубки можно заметить резкое сокращение полей сельскохозяйственного назначения, при этом ежегодно увеличивается площадь мелко-этажного строительства и осуществляется стремительный перевод земель сельскохозяйственного назначения в коттеджно-поселковое.

На картах спутниковой съемки заметно, что во вновь образованных поселках с говорящими названиями «Загородный клуб», «Образцово», «Сумаруково», «Родные просторы» площадь некоторых частных жилых застроек на одного хозяина сопоставима или превышает площадь отдельных объектов социальной сферы города Саратов (детских садов, домов детского творчества и др.). В инфраструктуре системы коттеджного жизнеобеспечения стремительно прибавляются все новые элементы: от асфальтированных подъездных путей, до ландшафтного дизайна с искусственными прудами и каштановыми аллеями, конно-спортивных объектов ипподромного типа. Новой поселенческой культурой становятся глухие высокие заборы до 5 метров высотой, пропускные пункты с шлагбаумами и металлическими трехметровыми воротами по типу секретных объектов.

Сокращение уровня своего благосостояния и рост числа сверх богатых приводит к чувству несправедливости в перераспределении общественных благ. Формируется озлобленность на иные, по мнению крестьян, провозглашенные нуворишами ценности – «Мой дом – моя крепость», теряется чувство общности. Крестьяне часто говорят про свое село – «Мы», а про фешенебельные, обустроенные по последнему слову архитектурного зодчества и ландшафтного дизайна поселки – «Они».

Об изменениях такого рода крестьяне говорят так – «Глухой забор поставил, значит, есть что прятать. У нас, например, раньше заборы из редкого штакетника были. Все было на виду. Избы не запирали, палку приставил к двери, значит, никого в доме нет. Да и воровства такого по дворам не было». В другом селе говорят, - «У нас заборов между домами не делали. А знаешь почему? Чтобы скотина свободно могла пройти, да и трактор мог бы заехать, чтобы вспахать огород». [5]

Там же, где растут новоделы, через дорогу находятся старая дряхлеющая производственная инфраструктура бывших аграрных предприятий. Можно наблюдать разрушающиеся ветхие дома местных жителей. Привычным для селян стало отсутствие социальной сферы (нет – клуба, почты, школы, детского сада). Многие представители автохтонного населения превратились из основного класса, класса крестьян, в обслуживающий персонал весьма обеспеченного слоя загородных жителей.

В поздний советский период, по воспоминаниям селян, популярными и уважаемыми были высококвалифицированные профессии: инженер, механик, зоотехник, селекционер, зоотехник по кормопроизводству, агроном.

Сейчас в пригородных селах самыми распространенными стали малоквалифицированные профессии: уборщицы, сиделки, газонокосильщика, личного водителя. При случае такую работу может выполнять большинство сельских жителей. Но и такую занятость селяне рассматривают как благо. Именно горожане способствуют тому, что последние работающие мужики еще живут в деревне, а не становятся новыми отходниками.

Еще двадцать – тридцать лет назад высказывания – «земля нас всегда прокормит» были типичны для селян, то сейчас парадоксальность ситуации заключается в том, что слова «земля не кормит» для крестьянина уже не являются обидными, а служат всего лишь констатацией свершившегося факта.

В новых условиях отношение к основному для сельской семьи ресурсу коренным образом изменилась. Земля для крестьянина окончательно перестала быть ценностью. Доходы от использования земельных наделов уже не являются основным источником пополнения бюджета селян. Большинство не верит в доходность земельного пая и уже давно рассталось с ним.

Многие сельские жители стали рассматривать земельные угодья бывшего колхоза только как окружающий ландшафт, как красивый пейзаж за окном, как привычную среду обитания, перенимая философию современного городского дачника. «Мы приезжаем из загорода для физически активного отдыха – грибы, рыбалка, на грядке покопаться. Необходимо немного отключиться от суеты городской жизни».

На данный момент главным императивом сельской семьи становится поиск ключевых каналов поступления доходов, и они, чаще всего, лежат вне села. Наиболее дееспособная часть крестьян использует такую стратегию выживания, как вахтовая работа. Приоритетом является временная занятость в столичном регионе, на промышленных районах Севера, объектах ТЭК Сибири. Интервальное вахтовое напряжение трудовых усилий становится для большинства работников вынужденной мерой. Но такое поведение сопровождается множеством негативных отклонений, одним из которых является накапливающийся стресс. Со временем привычная рекреационная функция семьи перестает срабатывать. Отдых на малой Родине не гарантирует восстановление душевных и физических сил. В этой ситуации индивид ощущает постоянную усталость и неудовлетворенность от состояния неопределенности. Как отметил один из селян-вахтовиков – «...мы как крабы выползаем на берег покормиться, знаем, что должны вернуться и далеко от моря не отползаем».

Таким образом, выбивается последняя точка опоры в социокультурном миропонимании, в структуре смысложизненных ориентиров современного сельского жителя. Все больше возникает вопросов о масштабах и степени его включенности в систему крестьянского мира.

С другой стороны, при более глубокой интеграции в культурное поле города сельские трудовые мигранты начинают испытывать кросс культурный шок, что выражается состоянием напряжения, растерянности, беспомощности, деформацию ролевых ожиданий, неполноценности, вызванной потерей ценностных ориентиров и привычного окружения. При этом чувство безвыходности становится сопутствующим психологическим фоном крестьянства.

Неспособность селян в полной мере адаптироваться к новому зачастую связано с целым набором факторов социо-культурного характера. Многие корпоративные культуры городских предприятий предъявляют непривычные для сельского жителя требования, основанные на принципах: децентрализации в системе принятия решений, открытого способа получения информации, непрерывного корпоративного обучения, тренинга и компетентностного роста, сложной адхократической структуры управления.

Привычные требования для крестьянского труда, основанные на скалярности в управленческой цепи, на принципах единоначалия, директивности стиля управления, стабильности трудовых отношений могут вообще не проявляться. Для безболезненной адаптации и успеха в новой организации сельским мигрантам порой не хватает способности своевременно определять закономерности и принципы организационного функционирования, ключевые референтные группы, умения оперативно осваивать новые корпоративной ценности.

В некоторых случаях удачным применением своих трудовых навыков для крестьян становится пригородное малоэтажное строительство столичного региона и областных центров – «Мы там, как рыба в воде. Там все свои». В привычной обстановке срабатывает стереотипное мышление, и могут быть

использованы устойчивые алгоритмы поведения. Поэтому производственные группы, типа «летучих бригад», формируются на основе контрактов с фиксированным временем выполнения работы и обязательно вахтовым методом.

В таких условиях зарождаются основные черты маргинальности, которые проявляются в «пограничности» положения человека между какими-либо социальными группами, что, в конечном итоге не может не отражаться на его психике, развивая феномен гибридизации. «То, что было Россией, именуется ныне Нечерноземьем, и всё это заросло бурьяном, а остатки нашего народа убежали в город и превратились в шпану, из деревни ушедшую и в город не пришедшую». [6]

Индивид становится носителем гибридного поведения, то есть поведения и ценностных ориентиров сразу нескольких социальных групп. Он как бы зависает в социокультурном пространстве между городом и деревней, во многом благодаря исчерпанию устойчивого, стабильного предложения занятости в селе, в районных центрах и в малых городах. Складывается впечатление, что «...объективные основания для общественно-исторической субъектности крестьянства в современной России фактически разрушены, и мы имеем дело с его остатками. Поэтому, пытаясь сегодня говорить о социальной миссии крестьянства, в действительности говорят об аграрном населении и об аграрном деле вообще, а не об их крестьянской составной». [7, 23-32]

В настоящее время все чаще и все настойчивее звучат слова о превращении деревни в «зону отрицательного отбора», зону отчуждения, существующую по своим особым законам. [8]

Уровень погибших на селе граждан в России за последние три года более чем в два раза превысил аналогичный уровень городской преступности. Представителями Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры РФ отмечается целый ряд факторов, влияющих на отставание села от города по уровню и условиям жизнедеятельности и как результат, рост криминальности села. Рецидивная преступность среди

безработных граждан в сельской местности стала составлять около 45 %. Ежегодно из мест лишения свободы освобождается около 350 тыс. осужденных и большая часть из них выбирает сельскую местность в качестве постоянного места жительства. [9]

Современное село испытывает социо-культурные перегрузки из-за увеличения числа субъектов с криминальным прошлым, а количество штата в правоохранительных органах районных центров, отвечающего за профилактику сельской преступности ежегодно снижается.

Малые города России уже давно перестали справляться с решением вопросов занятости населения.

Хотя еще недавно малые города, районные центры были активно включены в логистику трудовых ресурсов и выполняли роль некоего ресурсного хаба (распределительного сетевого центра). Они служили тем узлом, в котором происходила своеобразная переинсталляция (переустановка) сознания человека. Именно там форматировались новые цели и ценности субъекта, корректировалось его поведение к культуре города, либо к культуре села.

В малых городах происходила естественна социально-профессиональная адаптация селян. Малые города обладали достаточно развитой производственной инфраструктурой (молокозаводы, крупные элеваторные центры, мукомольные и комбикормовые заводы, заводы по переработке мясной продукции и др.). Каждый квалифицированный сельский специалист проходил либо обучение, либо переподготовку и повышение квалификации в одном из учебных заведений сети профессионально технического образования. Что в дальнейшем оказалось разрушенным полностью или частично.

В новых условиях крестьяне начинают с надеждой смотреть, как на сезонный поток дауншифтеров, так и на новую буржуазию обосновывающихся в загородных поместьях. «Сезонно, дачники восстанавливают численность населения поселков. Дачные поселения в Нечерноземье стали, в среднем крупнее, чем сельские. Например, в Тверской области в сельском населенном

пункте живут в среднем 36 человек, а в садоводческих товариществах и коттеджных поселках — около 100 человек, в Костромской области — соответственно 58 и 83 человека. Даже без учета горожан, купивших дома в деревнях, население только садовых товариществ и коттеджных поселков может увеличить летнее население в сельской местности Тверской области на 44%, в Костромской области — на 18%.

«В дальние места горожане приезжают ради красивой природы, отдохнуть от цивилизации. В Костромской области в некоторых поселениях на берегах рек каждый третий дом принадлежит москвичам и оживает летом, в более мелких деревнях — до 90%. А некоторые деревни вообще могли бы исчезнуть, если бы не дачники. Например, поселок Бажино в Угорском районе уже на 100% состоит из горожан». [10]

Взаимно выгодное соседство отмечается обеими сторонами. Все больше горожан покупает непосредственно изготовленные в крестьянском подворье мед, домашний сыр, птицу, яйца. Отмечается стремление к обмену без посреднических накруток, не снижая качества продукции и исключая промышленный суррогат.

Формируется постоянная клиентская среда представителей городской среды, тех, кто с благоговением относятся к экологически чистой, «прямо с грядки» агропродукции натурального мелкотоварного типа.

«Одновременно появляются новые субъекты аграрной сферы, которые к крестьянству, взятому в социально-классовом смысле, уже не имеют отношения. ... существует и объективная способность сельского социума к восстановлению ценностей высокого значения, следствием чего может стать появление нового порядка и качества отношения к сельскохозяйственной деятельности, которые будут определены в понятиях, где термины "раскрестьянивание" и "окрестьянивание" уменьшатся в весе, возможно, исчезнут вовсе». [11, 133]

Объективно процесс переосмысления взаимопроникновения различных социокультурных сред (город-село) можно считать давно запущенным.

Открытыми остаются лишь вопросы: о времени разворота вектора от урбанизации в направлении субурбанизации и дезурбанизации; и представлении о том, кто же он житель села будущего?

Библиографический список:

1. Голодец рассказала об уникальном явлении в России — работающих бедных. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <http://izvestia.ru/news/670758> (Дата обращения 18.04.2017).
2. Жизнь на селе. Медведев признал, что в деревнях «не нужно такого количества населения». [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <http://www.agrobook>. (Дата обращения 18.04.2017)
3. МВФ посулил экономике России «пониженный рост». [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://lenta.ru/news/2017/05/19/updown/> (Дата обращения 24.05.2017).
4. 132 тыс. россиян – долларовые миллионеры. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: http://www.solidarnost.org/news/132_tys__rossiyan___dollarovye_millionery.html. (Дата обращения 19.04.2017).
5. Научный проект при поддержке РГНФ № 16–03–00084 от 19 мая 2016 года по теме: «Социально-ролевая и профессиональная структура занятых в редких видах аграрно-сельского труда».
6. Виктор Астафьев: "Не надо лгать. Хотя бы себе!" [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <http://newizv.ru/news/society/> (Дата обращения 06.05.2017).
7. Староверов В.И. Раскрестьянивание: социолого-политологический анализ// Социол. исслед. 2010. № 4. С. 23-32
8. Деревня превратилась в зону отрицательного отбора. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://newizv.ru/article/general/> (Дата обращения 23.05.2017).

9. Сельская преступность в России: современные тенденции и меры противодействия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: http://e-notabene.ru/nb/article_10530.html (Дата обращения 23.05.2017).
10. Дауншифинг по-деревенски. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://www.gazeta.ru/social/> (Дата обращения 29.05.2017).
11. Великий П.П., Бочарова Е.В. Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы. // Социол. исслед., 2012. № 1. С.133.